

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ*

ЖАН ФУРКЕ

«СИНХРОНИЧЕСКАЯ» ТОЧКА ЗРЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ
ГЕРМАНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ¹

Значение, которое приобрел термин «синхрония», и ставшее обычным противопоставление диахронии и синхронии являются результатом исторического развития. В действительности буквальное значение слова синхрония не затрагивает самой сути этого противопоставления, в результате чего у неподготовленных слушателей легко может возникнуть ошибочное понимание, против которого мне хотелось бы заранее предостеречь. В те времена, когда Ф. де Соссюр читал свой курс общего языкознания, лингвисты уже перешли от постулирования простого каталога звуков, форм или слов для каждого этапа языка к стадии объяснения: это было объяснение историческое, освещавшее каждый элемент изучаемого языка, взятый изолированно, путем возведения его к более прозрачной, более понятной форме, засвидетельствованной на более древней ступени; так, чередования гласных *i—ei, i—ie—ö—u, i—a—u* в немецких сильных глаголах становились понятными, когда они выступали как формы единого чередования *e—o—nol* на индоевропейской ступени, как и соответственно в дифтонгах *ei, eu, en*.

Подобное объяснение, оперировавшее рядом форм, последовательно выстроенных по линии времени, с полным правом можно было назвать диахроническим. Между тем Ф. де Соссюр обратил внимание на другой, коренным образом отличный тип объяснения: он исходил из случаев, когда форма какого-либо элемента определялась его отношениями с другими элементами внутри системы языка в определенный момент существования этой системы. Нем. *sind* — 3-е лицо мн. числа — может быть объяснено индоевропейской формой **senti*; но *sind* — 1-е лицо мн. числа — нельзя объяснить этим способом; эту форму гораздо лучше можно объяснить, сказав, что *wir sind* относится к *sie sind*, как *wir haben* к *sie haben*, *wir tun* к *sie tun* и т. д. для всех остальных глаголов и всех глагольных времен.

Термин «синхронический» применительно к этому последнему способу объяснения отнюдь не является ошибочным: речь идет действительно об элементах, которые сосуществуют в один и тот же момент времени; но синхроническим можно назвать также и исследование, предпринимаемое с целью установления лексики какого-нибудь языка в определенное время, вне всякого представления о системе. Основное — это подчеркивание внутренней связи системы; «синхроническая» точка зрения — необходимое, но недостаточное условие этого метода.

Строго говоря, мы считаем нужным различать: 1) синхронический атомизм, устанавливающий инвентарий изолированных фонетических, грамматических

* В этом вновь организуемом разделе журнала редакция предполагает знакомить читателей с различными материалами научного и информационного характера, опубликованными за рубежом и представляющими интерес для широких кругов работников в области языкознания. Рассчитывая получить ценные советы и пожелания, редакция просит читателей журнала высказывать конкретные рекомендации о том, какие статьи и заметки следовало бы печатать в этом разделе.

¹ Статья опубликована в журнале «Annales de l'Université de Paris» (№ 1, janvier-mars, 1957). Статья эта, написанная по-французски, представляет собой сокращенное изложение доклада проф. Жана Фулке «Hochsprache und Mundarten in synchroner Betrachtung», прочитанного на I Международном конгрессе германистов в Риме (сентябрь 1955). «Организаторы конгресса, — сообщает Ж. Фулке в предисловии к своей статье, — избрали в качестве центральной темы вопрос об общем языке (койне) и диалектах (Hochsprache и Mundarten). При этом они сочли нужным учесть соссюрианскую точку зрения, пока еще мало знакомую и часто неверно толкуемую в странах немецкого языка». — *Ред.*

ческих, лексических форм для данного состояния языка; 2) *диахронический атомизм*, изучающий изменения, которым подвергается с течением времени каждый из этих элементов: то, что принято называть сокращенно *диахронией*; 3) *синхронический структурализм*, изучающий структурные связи между элементами рассматриваемого языка в данный момент времени: то, что принято называть сокращенно *синхронией*; 4) *диахронический структурализм*, изучающий модификации, которым подвергаются эти связи с течением времени, что обуславливает превращение одной системы в другую. Современное словоупотребление заходит в тупик, когда нужно дать название этому типу изучения: пришлось бы говорить о *диахронической синхронии*! Ельмстед предложил термин «*метахрония*», который он определяет как «объяснительное сопоставление последовательных систем». На это изрядное решение вопроса мы можем возразить, что оно канонизирует спорные термины «*диахрония*» и «*синхрония*». Мы предпочитаем противопоставление атомизма структурализму, о котором уже говорилось выше.

Очевидно, что противопоставление диахронии и синхронии в том виде, как оно понимается в «Курсе общего языкознания», не влечет за собой обязательно выбор между двумя логически взаимоисключающими точками зрения. И действительно, они не лежат в одной плоскости (п. п. 2 и 3). Такое противопоставление скорее тактическое: в настоящее время историческое изучение не может двигаться дальше, ибо оно основывается на ложном понимании языка; сейчас было бы важно ввести правильное понимание в плоскости описательной лингвистики (*синхроническое изучение*). Ф. де Соссюра эта программа вполне удовлетворяла. Но совершенно ясно, что как только она будет осуществлена, лингвисты окажутся перед новой проблемой — необходимостью построения нового исторического языкознания, на этот раз структурального, на основе новой описательной лингвистики. Именно в таком виде указавшая проблема возникла перед Н. С. Трубецким, когда он закладывал основы описательной фонологии; он уже приступил к наброскам эволюционной, исторической фонологии, которые смерть помешала ему довести до конца.

Термин «*синхрония*» кажется нам спорным, даже когда речь идет о противопоставлении структурально-описательной лингвистики и лингвистики структурально-эволюционной, исторической. Противопоставление здесь наличествует не между одновременностью и последовательностью, а между изучением, ограниченным одной точкой на линии времени, и изучением, охватывающим последовательный ряд таких точек; лучше было бы пользоваться словами *монокронический* и *диахронический*.

Еще одно соображение побуждает нас настаивать на этом изменении терминологии. Известно, что в последней четверти XIX в. наряду с языковыми вариациями, обусловленными временем, были открыты вариации, обусловленные пространством: за монографическими описаниями отдельных диалектов последовали лингвистические атласы, показавшие, как изменения претерпевает тот или иной языковой элемент при перемещении в пространстве (так, при движении с юга на север мы переходим от *caballo* к *cheval*).

Таким образом, с изрядным запозданием ученые пришли от *монотопии* к *диатопии*, много времени спустя после того, как они перешли от *монокронии* к *диахронии*. Правда, эти дела на основе атомизма, оперировавшего отдельными изолированными формами. Впрочем, атомизм этот вскоре оказался перед лицом структуральных проблем. Построения в духе структурализма намечены в работах Жильерона и Вартбурга.

Диатопия может сочетаться с диахронией в форме исторического изучения диалектных вариаций. Основополагающая роль тут принадлежит труду Т. Фринга *Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache* [Halle (Saale), 1948], который поистине является историко-лингвистической географией. История таких литературных языков, как немецкое койне, не отличается непрерывностью; в качестве основы для наиболее полного изучения исторического развития этих языков необходимо воспользоваться историей диалектного ареала, из которого выделились названные языки.

Я счел необходимым высказать эти вводные соображения, прежде чем перейти к теме порученного мне доклада. Мне хотелось бы в особенности подчеркнуть следующее: я отнюдь не собираюсь давать под названием синхронии окончательное решение всех лингвистических проблем, которое исключало бы всякое иное решение и, в частности, историческую лингвистику. В ходе дальнейшего изложения вы сможете сами в этом убедиться.

Считаю, что, озаглавив с в о й д о к л а д «Литературный язык и диалекты в синхронном освещении», я тем самым согласился сделать сообщение о состоянии структурально-описательных исследований применительно к литературным языкам и диалектам той языковой области, которая входит в круг изучения Международной ассоциация германистов, за исключением английского языка. Это точно соответствует пункту 3 моей классификации.

1. Литературные языки

В области структуральной фонетики выдающееся место занимает фонология Н. С. Трубецкого и пражской школы. «Grundzüge» Трубецкого содержит фонологию нормализованного немецкого литературного языка (Bühnendeutsch). Одновременно А. Мартине и Копенгагенский кружок дали очень тщательные исследования датского фонетизма в духе пражской школы; аналогичные работы ведутся в настоящее время в области голландского и шведского. Можно надеяться, что в недалеком будущем в описательных грамматиках немецкого, голландского и скандинавских языков вместо эмпирических инвентарей звуков (Lautinventar), меняющихся от одного автора к другому, будут даваться более содержательные описания, основанные на понятиях фонемы, комбинационных вариантов и нейтрализации противопоставлений.

В области структуральной грамматики следует в первую очередь отметить две работы — Глинца и Дидерихсена (H. Glinz, Die innere Form des Deutschen, Bern, 1925 и P. Diderichsen, Elementær dansk grammatik, Kjøbenhavn, 1946 — вопреки своему названию, чрезвычайно содержательное научное исследование). Я сам в своем преподавании немецкого языка, совершенно не зная в то время работы Глинца, пришел к выводам, поразительно близким к выводам последнего. Это лучше всего доказывает, что структура — совершенно определенная реальность, которую объективные исследователи могут обнаружить независимо друг от друга.

Преподавание грамматики германских языков, все равно — родных или иностранных, велось без существенных изменений в течение полутора столетий, т. е. в течение периода, когда диакрония поглощала все усилия лингвистов. Грамматика Хр. Авг. Гейзе (Chr. A. Heuze), вышедшая первым изданием в 1814 г., до сих пор служит основой преподавания немецкой грамматики. В настоящее время можно считать, что описательная грамматика будет обновлена на основе структурального исследования; в основу описания современного немецкого языка будет положена его структура, а не структура латинского или прагерманского. Так, форму *wäre*, которая служит в данное время выражением ирреального настоящего, уже не будут называть конъюнктивом претерита: у Готфрида Страсбургского *was mîn tihten wære* означает: «то, чем был мой поэтический труд»; в настоящее время фраза *was mein Dichten wære* значила бы: «то, чем являлся бы (но чем не является) мой поэтический труд». Мысль Готфрида могла бы быть передана только временем со значением прошедшего: *was mein Dichten war, gewesen ist, gewesen sei*.

2. Диалекты

Пока мы могли бы назвать только одну попытку установления фонологической системы немецкого диалекта, которую можно сопоставить с очерком А. Мартине, посвященным фонетической системе романского диалекта Отвиля (Эн): это работа американца В. Кёкёна о диалекте Вены [B. J. Koekkoek, Zur Phonologie der Wiener Mundart, Giessen, 1955]. Со своей стороны мы работаем в Страсбурге над аналогичным опытом применительно к эльзасскому диалекту. Здесь мы наталкиваемся на трудности, связанные с отсутствием образцов и предшественников, но это лишний повод пожелать, чтобы такая работа была предпринята в ряде научных центров.

Традиционные фонетика и морфология какого-либо диалекта («Laut-(Formen-)lehre der Mundart von...») представляют собой любопытный продукт диахронического компаративизма: описание (фонетическое) современного диалекта делается на основе ряда соответствий «звукам» средневерхнемецкого; в результате остаются в тени структуральные факты первостепенной важности (например, изучаемый диалект не знает противопоставления простых и геминат, сильных и слабых согласных). Проходят также и мимо глубочайших изменений структуры, вроде утраты количественного противопоставления гласных, конвергенция, которая значительно сокращает число фонем, и т. д. Конечно, полезно свести формы нескольких разных диалектов к общему знаменателю, например эльзасское *hüs* и баварское *haus* к исходному *hūs*, но описывать современный, живой, непосредственно наблюдаемый диалект соотносительно с его состоянием семь веков назад — это представляется структуралисту абсурдом.

В отношении грамматики состояние диалектологических монографий еще менее утешительно: тут ограничиваются морфологией (Formenlehre), простым инвентарем форм, безотносительно к их употреблению. Ссылка на средневерхнемецкий приводит к тому, что даже не упоминают об аналитических формах глаголов, которые в XII в. не существовали, но в наши дни представляют нередко более половины глагольной системы. Совершенно необходимо, чтобы то, что Глинц сделал для немецкого койне, было предпринято также для некоторых диалектов, отобранных как типовые: сопоставление койне и диалекта получило бы объективную базу, отсутствие которой остро ощущается в настоящее время.

До сих пор мы говорили только о живых наречиях. Несомненно, структуральное изучение значительно облегчается, когда исследователь может обращаться к собствен-

ному языковому чувству: устанавливать отношения — дело гораздо более тонкое, чем наносить на карточки изоллированные «элементы». Однако требование структурального изучения должно быть распространено на все состояния языка, известные нам только по письменным памятникам. В этом направлении следует заново перестроить все описания языка древневерхненемецких, древнесаксонских, древнеславянских текстов или атомизма. Новое собрание фактов, произведенное с точки зрения фонологии или структурального синтаксиса, насколько я могу судить по своим собственным первоначальным поискам, принесло бы новую жатву, по значению, быть может, равную первой.

В области лексики структуральное изучение также вполне оправдано. Однако здесь предмет исследования настолько сложен, что мы пока не пошли дальше приближительных работ, оперирующих ограниченным семантическим полем (Bedeutungsfelder); единый план еще не вырисовывается более ясно.

В этом весьма суммарном наброске мы ограничивались структуральным исследованием одного определенного языка в один определенный момент времени — исследованием, которое исключает вариации в пространстве (диатопические) и во времени (диахронические). Вариации первого типа относятся к лингвистической географии, второго типа — к лингвистической истории. Такое ограничение на самом деле — всего лишь рабочий прием: структуралист очень скоро начинает понимать, что масштабы пространства и времени как бы вписаны в ту структуру, которую он пытается определить. Общеизвестно, что всякая система содержит пережитки предшествующих систем, которые никогда не интегрируются в ней полностью, и что внутри современной системы языка простираются некоторые очертания той системы, которая призвана ее сменить. Менее известен следующий факт: диалект не изолирован внутри того диалектного ареала, часть которого он составляет; он постоянно подвергается внешним влияниям, он захвачен движениями, распространяющимися из «активных» центров: его система содержит сумму воздействий, которые связывают его со всем ареалом. В наиболее крайних случаях система обнаруживает так называемые «вторжения» (Eingriffe), настолько нарушающие ее внутреннюю стройность, что можно установить их инородное происхождение без какого-либо иного доказательства, кроме внутреннего анализа.

Мы позволим себе сделать здесь попутно следующее замечание. Необходимо различать два варианта понятия «система»: 1) структуральное изучение данного языка (например, современного немецкого литературного языка у Глиница) имеет предметом всю реальную структуру (и н у т р е н ю ф о р м у); однако структура эта отнюдь не представляется абсолютно связанной и цельной: мы принимаем ее такой, как она есть, со всеми ее несовершенствами, и описываем ее; 2) за этой структурой вырисовывается структура идеальная: чем был бы этот язык, если бы господствующие тенденции могли полностью осуществиться, если бы не существовало ни следов предшествующих стадий, ни следов пространственно смежных явлений. Именно благодаря этому мы можем понимать устранение аномалий, форм, не соответствующих внутреннему закону языка, попытки интеграция форм, переставших употребляться, и т. п.

Первое значение слова «система» соответствует описательному, статическому изучению языка, второе — изучению эволюционному, динамическому, определяющему в каждый момент направление эволюции к равновесию, которого она на деле никогда не достигает и которое все время отодвигается. Смешение этих двух значений привело к неправильным толкованиям синхронического изучения: идет ли речь о фонетике или о синтаксисе, структуралиста подозревают в желании дать во что бы то ни стало картину безупречной стройности (cohérence) внутри изучаемого языка, повсюду обнаружить симметрию и т. п.

Для того, что Мартине называет экономией лингвистических изменений, понятие наибольшей стройности является весьма плодотворным, примерно так же, как понятие профиля равновесия реки является для географа руководящим понятием, при помощи которого он объясняет множество мелких фактов эрозии и переноса. Вполне понятна в то же время необходимость относиться критически к натяжкам, устанавливающим ложные симметрии. Сглаживая неровности, структуралист сам себя лишает возможности вновь пересмотреть при помощи одного лишь внутреннего анализа сведения, сообщаемые лингвистической историей и лингвистической географией, и дополнить их там, где они отсутствуют.

Выводы

Нам представляется необходимым, чтобы молодые исследователи ориентировались на новую описательную лингвистику, основанную на структуральном изучении, которая уже начинает вырисовываться. Важнейшая задача заключалась бы в составлении удовлетворительных описаний каждого из литературных языков германской области и значительного числа диалектных монографий, относящихся к основным типам. Когда этот метод будет до малейших тонкостей разработан применительно к наречиям, которые можно непосредственно наблюдать, останется только применить его к более древним состояниям языка, известным лишь по письменным памятникам. На этой базе можно будет построить историческую лингвистику, которая в нашем понимании мо-

жет быть только историей диалектных ареалов, т. е. основываться на лингвистической географии.

Вследствие случайностей истории лингвистика в целом развивалась в следующем порядке: диахрония, диа-tonия, структурализм — и отпиралась от самых древних из засвидетельствованных языков, таких, как санскрит, к современным. Мы предлагаем план, основанный на обратной последовательности, которая представляется нам, совершенно очевидно, разумной последовательностью. Мы полагаем, что добрая половина лингвистических фактов ускользнула от внимания представителей атомизма, которые сводили язык к коллекции отдельных его элементов, не считаясь, за исключением разве косвенных и случайных показаний, с их интеграцией в системе. Сейчас предстоит собрать второй урожай. Это — дело многих поколений.

Когда я был еще молодым студентом, мне казалось, будто на поле германского языкознания остается подобрать лишь несколько оставшихся колосьев. Мне хотелось бы предостеречь молодых германистов от этого заблуждения.

Перевел с французского

В. М. Жирмунский

Л. АНДРЕЙЧИН

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА*

Взаимные связи болгарского и русского языков установились с давнего времени. Они имеют почти тысячелетнюю историю и плодотворны для обоих братских языков. Роль староболгарского языка в обогащении русского литературного языка обстоятельно освещена в трудах таких известных русских ученых, как А. А. Шахматов, В. В. Виноградов и др. Вопрос о роли русского языка в формировании новоболгарского книжного языка на протяжении прошлого века еще не был у нас предметом детального исследования. Попутно он неоднократно затрагивался во многих статьях и работах, но специально рассмотрен лишь в нескольких статьях¹. Процесс, о котором идет речь, сложен. Влияние русского языка очень разносторонне, оно переплетается и с влиянием церковнославянского языка, в результате чего во многих случаях очень трудно определить, где кончается одно и начинается другое. Нашим литературным языком было воспринято множество книжных слов и терминов, состоящих из понятий каждому болгарину элементов; при этом они не ощущались как чуждые слова, ср. например *усердие*, *постоянен*, *сложен*, *сказка*, *переработка*, *состояние*, *уважаю*, *заявляю*, *принадлежит*, *отчуждаю* и мн. др. Интересны мысли автора первого учебника по физике Н. Герова, который говорил в предисловии к учебнику, что, пытаясь преодолеть трудности в терминологии, он воспользовался русскими терминами, которые «годились и для болгарского»². Действительно, в русском языке имеется много таких слов, которые «годились бы и для болгарского»; в связи с этим современный болгарский литературный язык смог в значительной степени воспользоваться помощью русского языка в период своего формирования и достиг высокой степени развития при достаточно неблагоприятных условиях прошлого века. (Разумеется, это лишь основное условие. В действительности не всякое заимствованное из русского языка слово содержит основу, ясную с точки зрения современного болгарского языка, ср., например, *старая се*, *подраздевам*, *опровергам*, *ужас*, *небрежен*. Процесс этот сложен; здесь следует принять во внимание и роль церковнославянских религиозных текстов, широко известных у нас в то время, а также и ряд других обстоятельств.).

Влияние русского языка советской эпохи, которое рассматривается в настоящей

* «Български език», год. VII, кн. 5, София, 1957, стр. 452—455.

¹ Ср. Б. Цонев, Езикови взаимности между български и руски. В памет на проф. А. К. Медведев, «Руско-български сборник», София, 1922, стр. 35—51, а также в «История на български език», т. II (посм. изд.), София, 1934, стр. 338—353; Л. А. Андрейчин, Полита на руския език в развитието на съвременния български книжовен език, «Български език», II (1925), стр. 173—182.

² Ср. Н. Геров, Извод от физика, Бялград, 1847.